

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК 72.035.9

И. О. Бембель

ПРОЕКТ MONUMENTALITÀ & MODERNITÀ. ОПЫТ ДВУХ КОНФЕРЕНЦИЙ

Идея проведения конференций по «тоталитарной» архитектуре возникла спонтанно. Осенью 2009 г. архитектор Рафаэль Даянов привез из Рима и показал мне серию великолепных фотографий квартала EUR. Эти чрезвычайно впечатляющие материалы вновь обнажили печальный факт почти полной неизученности «муссолиниевской» стилистики в нашем архитектуроведении. Помимо прекрасной книги Л. Ремпеля «Архитектура послевоенной Италии» (1934) мне не удалось найти ни одной монографии по данной теме. В процессе поиска специалистов возникла идея проведения конференции. Ее организаторами стали журнал «Капиталь», Петербургский союз архитекторов и факультет свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета. Плодом моих личных трудов стала статья «Итальянская параллель»¹.

Универсальный девиз-название MONUMENTALITÀ & MODERNITÀ обозначил дополнительный вектор исследовательской мысли — проблему адаптации классических традиций к меняющимся условиям жизни, что придало заявленной «тоталитарной» теме универсальный и перманентно актуальный смысл, побудило исследователей к широким и смелым обобщениям. В связи с этим, оста-

ваться в рамках Италии, даже при всем нашем «первооткрывательском» интересе, не имело смысла. Наоборот, хотелось сопоставить, по примеру уже привычных аналогий, архитектуру СССР и III Рейха и тем самым выявить обоюдную специфику. Дальше наша мысль тогда не простиралась, хотя тему американской и кубинской неоклассики, предложенную докладчиками, мы приветствовали.

Итак, полное название нашей первой конференции: MONUMENTALITÀ & MODERNITÀ. Архитектура и искусство Италии, Германии и России «тоталитарного» периода. Слово «тоталитарный» мы намеренно взяли в кавычки, пытаясь нейтрализовать смущавший некоторых политический окрас, но четко осознавая, что диктаторские режимы Сталина, Гитлера и Муссолини были теми волевыми рычагами, которые активно способствовали общему для 1930-х гг. утверждению ретроспективного стиля.

К нашему удивлению и радости, абсолютно безбюджетный проект привлек около тридцати докладчиков из различных городов России, а также из Италии и США.

Какими же стали итоги этой экспромтной летней конференции 2010 г.?

Конечно, она позволила нам осмотреться в исследовательском пространстве — это было нашей задачей-минимум. Итальянская тема если и не доминировала, то прошла «красной нитью» через всю конференцию. Отдельные, почти неизвестные у нас имена, постройки, градостроительные сюжеты и столь желаемые сопоставления и параллели придали ей ощутимый итальянский привкус.

Несмотря на осторожность и кавычки, термин «тоталитарный» провоцировал перейти от «периода» к «архитектуре», застав-

¹ Бембель И. О. Итальянская параллель // Капиталь. 2010. № 1 (17). С. 104–117.

лял обостренно искать соотношение между естественностью и насилием в утверждении неоклассики 1930-х гг.

«Явно заслуживает отдельного психологического исследования вопрос восприятия индивидом стилевых особенностей в архитектуре, но и на примитивном уровне кажется очевидным, что для масс олицетворением стабильности и вообще позитива являются именно классические образцы, ассоциирующиеся с античностью, ренессансом и вообще с лучшим, что было в истории Европы. <...> Как в человеческом организме имеется постоянный бактериальный фон, так и в архитектурном процессе всегда есть место классическим идеям и не нам судить о паталогичности этого фона» (К. Зайцев, Москва). Действительно, помимо «тоталитарных» государств, ордерная волна прокатилась по Франции, Великобритании, США и Кубе, достигла Китая и Японии, Южной Америки и Австралии... Историзм 1930-х стал практически всеобщим и притом последним последовательным обращением к традиции классицистической архитектуры. Отчасти это была реакция на «бунтарский» по духу авангард-модернизм, ассоциировавшийся с большевистской революцией и послевоенным хаосом...

Одним из важных «побочных эффектов» интереса к межвоенной Италии стала актуализация темы отечественной архитектуры сталинского периода. До сих пор в архитектуроведческой среде бытует мнение, что советская архитектура хорошо изучена, что «тоталитарная» тема исчерпана. По сути же мы имеем перед собой гигантский айсберг, скрывающийся под черными водами многолетней жесточайшей цензуры подлинными процессами сложения стиля и образования во многом противоестественной, хотя и чрезвычайно интересной, архитектурной среды. Именно этой теме был посвящен доклад Дмитрия Хмельницкого (Берлин). Позицию Д. Хмельницкого можно назвать последовательно противоположной приведенному выше тезису К. Зайцева; она базируется на глубоком убеждении в абсолютной противоестественности смены стилей в начале 1930-х гг.

Политические реалии нашей страны определили тематику докладов Марка Меевича (Иркутск) и коллег из Красноярска:

Александра Слабухи, Сергея Ямалетдинова и Николая Дядечкина. Благодаря нашим сибирским гостям, более ощутимо приоткрылся задний, непарадный фасад сталинской архитектуры.

Вообще конференция значительно расширила географические горизонты нашей темы. Так, многие из нас впервые познакомились с архитектурной эволюцией XX в. в далекой Гаване, где ордерная неоклассика тоже так или иначе участвовала в репрезентации политических режимов (С. Липгарт, Москва).

Своеобразной параллелью европейским диктаторским преобразованиям в США стали годы правления Ф. Рузвельта, а альтернативой тоталитарной идеологии — специфический феномен «американизма», основанного на национальной традиции контроля и самоконтроля и ставшего мощной светской альтернативой традиционным религиям (А. Гликин, Нью-Йорк). Это опровергает устойчивые представления об американской демократии и делает более обоснованным сходство стилей.

Многие исследователи сознательно остались в традиционных и относительно «безопасных» рамках стилового анализа. Однако и здесь имел место свежий взгляд, например, в докладе В. Басса (Санкт-Петербург), указавшего на итальянский маньеризм как на своеобразную историческую параллель сталинской архитектуре. Сложный генезис советского зодчества 1930-х — 1950-х гг. лишний раз подтверждает явную условность термина «сталинский ампи́р», равно как и других стилиевых определений и вообще терминологического аппарата, используемого в отношении данного периода разными исследователями. Процесс формообразования, постоянно «стимулировавшийся» страхом и растерянностью, действительно трансформировал гармонию классики самым причудливым образом.

Так или иначе, благодаря, в первую очередь, неутомимым трудам Д. Хмельницкого, в исследовательское поле зрения включается политический фон как мощнейший и во многом иррационально-патологический формообразующий фактор. По меткому выражению Г. Ревзина, исчезла многолетняя иллюзия, что «были только Щусев, Жолтовский и капители».

После первой конференции лично у меня как у организатора было ощущение свершив-

шегоса чуда. На моих глазах «из воздуха» — т.е. из голого энтузиазма — родилось положительно заряженное поле напряженного профессионального общения. Было очевидно, что интерес к теме значителен и поле деятельности необъятно.

В отличие от экспромта 2010 г., организация второй конференции стала для нас вполне осознанной. Ретроспективизм 1930-х — 1950-х гг. и, в частности, сталинская архитектура, как представляется, отодвинулись от нас на такую временную дистанцию, которая предполагает переоценку прежних пристрастных суждений и выработку более объективного взгляда. Такой переоценке на нашей памяти подверглись модерн и эклектика. Очевидно, пришел черед монументального имперского стиля. Ситуация с ним, как и с «канонизированным» авангардом, более сложная, поскольку мученический ореол вновь и вновь побуждает видеть в последнем жертву, а в сталинской неоклассике если не палача, то, по крайней мере, орудие палача. Хотя история и не любит всяческих «если бы», хочется все же пофантазировать: а что было бы, если бы авангард свободно развивался дальше? В нашей революционной стране он был куда более воинственным, чем в умеренной и рациональной Европе (а ведь и Корбюзье предлагал снести Москву и Париж...). Так или иначе, агрессивной энергии модернизма вполне хватило, чтобы, утратив пафос социального утопизма, утвердить «современную архитектуру» по всему миру. Но это уже отдельная тема.

Итак, мы решили более четко сконцентрироваться собственно на неоклассическом стиле 1930-х гг., практически исключив конструктивизм, который, хотя и наслаивается хронологически, но по духу и смыслу относится к предшествующей эпохе.

Это спровоцировало протест против такого «искусственного» деления со стороны московского участника нашей прошлой конференции О. Адамова. Его доклад об И. Леонидове со всей контраргументацией мы сочли нужным поместить в программу.

На этот раз название звучало так: **Италия, Германия, Россия... Проблемы восприятия, интерпретации и сохранения архитектурно-художественного наследия «тоталитарного» периода.**

После трех главных диктаторских государств мы поставили многоточие, желая максимально расширить географию конференции. На этот раз в поле зрения попали «экзотические» Япония и Китай, добавились Франция, Армения и Балканские страны. Вновь фигурировала архитектура США. Итальянский лейтмотив постепенно стал равноправной темой в общем хоре.

Безусловно, такой диапазон, побуждающий к широким обобщениям, способствует более объективному восприятию столь близкого, «не остывшего» еще исторического материала. И в этот раз на наше приглашение откликнулись более тридцати исследователей из Санкт-Петербурга, Москвы, Красноярска, Перми, Волгограда, а также Армении, Италии, США и Японии. Часть из них, как и в первый раз, участвовала заочно (опять же по причине отсутствия финансирования).

Приятным, хотя и ожидаемым для каждой конференции «сюрпризом» становятся опровержения существующих стереотипов, больших и малых. Одним из таких стереотипов и выражением крайней позиции, как уже отмечалось выше, является мнение об абсолютной противоестественности смены стилей у нас в стране, усиленное мученическим ореолом авангарда. Доклад Б. Кирикова (Санкт-Петербург) «Петербургский неоклассицизм и ленинградская неоклассика» со всей очевидностью показал преемственность развития классической линии в нашем городе.

Еще одной параллелью этой темы стала непрерывная последовательность градостроительного развития Ленинграда, вопреки директивным указаниям из Москвы и вразрез с генеральной линией на реконструкцию исторических городов (С. Семенцов, Санкт-Петербург).

Одной из сквозных линий нынешней конференции спонтанно стало ар-деко — тема, предложенная А. Пуниным (Санкт-Петербург). Неуловимый и трудно поддающийся определению «стиль 1925 года» с подачи некоторых исследователей стал еще одной составляющей сложной картины нашей предвоенной архитектуры, дополнив целый список характеризующих ее терминов. Сталинский ампи́р, неоклассика второй волны, постконструктивизм, маньеризм и, нако-

нец, ар-деко — не пора ли поставить вопрос о «сталинской эклектике»?

Наряду с широким географическим срезом на конференции была предпринята попытка сделать вертикальный, временной срез, включив рассматриваемый нами период в общемировой контекст истории архитектуры (И. Саблин, Санкт-Петербург). Такой угол зрения хорошо согласуется с приведенным вначале мнением К. Зайцева о вневременной универсальности ордерного языка.

Итак, два противоположных тезиса об историзме «тоталитарного» периода: как об одном из воплощений «вечной классики» и как о регрессивном и искусственном явлении, состоящем на службе у идеологии, — в той или иной степени затронули многие доклады. Очевидно одно: в СССР, в отличие даже от Германии, а тем более от Италии (не говоря уже об остальном мире), не было альтернатив.

Неожиданным дополнением стал анализ сложных процессов формирования имперского стиля с позиций археологии (В. Кондаков, Санкт-Петербург) и психологии (С. Доспехов, Санкт-Петербург). Весьма важным моментом представляется и то, что обширный контингент искусствоведов и историков архитектуры пополняют практикующие (в т. ч. и весьма активно) архитекторы, как, например, Р. Даянов (Санкт-Петербург) и М. Атаянц (Санкт-Петербург). Хотелось бы, чтобы эта тенденция набирала силу и несла взаимное обогащение теории и практики.

В этом году к списку организаторов добавилась Русская христианская гуманитарная академия. Оценивая итоги двухлетних общих усилий в целом, мы можем утверждать, что опыт вполне удался. Очевиден интерес к недавнему прошлому стремительно меняющейся архитектуры, очевидно желание встроить его в общий контекст и найти с его помощью ответы на многие современные вопросы. Налицо желание пересмотреть многие сложившиеся стереотипы в свете новых открывшихся фактов, доступности источников и открытости границ, гласности и прочих завоеваний демократии.

Можно, наверное, упрекнуть организаторов в отсутствии четкой структуры: де-

ления на секции, жесткого регламента и т. д. Однако этот факт я считаю скорее плюсом, поскольку важнейшей нашей задачей было и остается желание вовлечь в свою орбиту как можно больше свежих мыслей и искреннего увлечения, а жесткие рамки могут отсечь порой важные крупницы истины, рассыпанной нередко в беспорядке, и соседствующие, как известно, с парадоксом. Одним словом, непринужденная и демократичная атмосфера творческих поисков и творческой радости — вот тот самоценный результат, который очень важен для нас и совершенно необходим для результатов вещественных.

Наши пожелания к самим себе.

Количественно хотелось бы привлечь больше исследователей-германистов. Первоначальный итальянский импульс как-то отодвинул сравнительно лучше изученное искусство III Рейха, а ведь и там простор для деятельности огромен. Помимо этого, следует неизменно расширять поле зрения, вовлекая в орбиту конференции те государства и регионы, которые по разным причинам до сих пор находятся в тени или вовсе остаются белыми пятнами в нашем искусствоведении.

Хотелось бы также, чтобы заявленные в заголовках конференций живопись и скульптура более ощутимо присутствовали в темах докладов: пока это лишь редкие исключения. На самом же деле межвоенные и наши 1950-е гг. стали едва ли не последним всплеском синтеза искусств, и говорить о них по отдельности если не бессмысленно, то, во всяком случае, очень однобоко. Общая «ненавистная рознь века сего» находит выражение во все более «узкой специализации» с потерей единства «кровно родственных» видов творчества, а в целом — с утратой единой и осмысленной картины мира.

«Рутинный» многодневный труд по подготовке конференции в этот раз несколько размыл первоначальное ощущение чуда: энтузиазм требует и ждет поддержки. Поскольку нужна в осмыслении избранного нами периода является насущной и «висит в воздухе», то спонтанное движение должно, как мы надеемся, пробить себе некое более мощно организованное и финансово укрепленное русло.